

Памяти Нодара ДУМБАДЗЕ

ВЫСОКИЙ ТАЛАНТ, МУЖЕСТВЕННОЕ СЕРДЦЕ

Кажется, ему не пришлось отыскивать в литературе свое место, сразу нашел и прочно, уверенно занял его. И так же сразу все убедились, что оно принадлежит ему по праву. Это удел лишь художников, наделенных истинным талантом. Мы, представители старших поколений, встретили его так, будто давно ждали его появления, и вот он пришел. Пришел и привел с собой своих героев, молодых парней, которых мы до того не знали, и старых крестьян из своего родного уголка Гурии.

Можно было подумать, что он брал их прямо из жизни, ничего не убавляя и не прибавляя. Просто посмотрелся вокруг на родных, друзей, соседей и привел их на страницы своих книг. Можно было подумать, что ему не приходилось заботиться о литературной форме, что она рождалась сама собой, вместе с новым материалом. Но только писатель знает, как высока цена мастерства, которым достигается такая простота и естественность.

Нодар Думбадзе в своих рассказах и романах был так же естествен, как его герои, словно в ходе спектакля автор пьесы поднялся из зала на сцену и начал играть вместе со своими персонажами. Эта естественность, истинность, подлинность сделали его любимцем нашего народа, особенно молодежи. Он ввел в большую литературу своих героев, которые показали всему миру, как живут люди в одном из чудесных уголков этого мира, как они дружат, любят, ненавидят, как понимают человеческое предназначение. Он просла-

вил далеко за пределами нашей страны и наш край, и нашу литературу. И мы все гордились им.

Да, мы, старшие его друзья и коллеги, приветствовали и благословили его приход в литературу, когда после слез и тягот большой войны людям так нужна была улыбка и сострадание. С этой улыбкой сквозь невысохшие слезы прошел он свой нелегкий жизненный и литературный путь и с нею же ушел.

Мог ли подумать я, приветствуя приход Нодара на поприще, которому служу сам, что мне же, нашим общим друзьям выпадет тяжелая судьба говорить эти горькие слова прощанья. Мог ли подумать...

Ираклий АБАШИДЗЕ

Фото А. КАРЗАНОВА. 1980 г.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

20 сентября многие тысячи тбилисцев, трудящиеся всей Грузии проводили в последний путь выдающегося мастера советской литературы, секретаря правления СП СССР, председателя правления СП Грузии, лауреата Ленинской премии Нодара Владимировича Думбадзе. Проститься с ним пришли кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, другие руководители республики, посланцы братских литератур.

Траурный митинг в Союзе писателей Грузии открыл председатель комиссии по организации похорон, председатель Совета Министров республики Д. Л. Картвели-

швили. Слова прощания на митинге и у могилы покойного произнесли его друзья и коллеги — И. Абашидзе, С. Баруадин, В. Петросян, Эльчин, Ф. Халваши, Е. Евтушенко, Б. Шинкуба, К. Маргиев, И. Драч, Ш. Нишнанидзе, А. Вознесенский и другие.

Замечательный писатель и человек Н. Думбадзе когда-то подарил детям столицы Грузии свою мечту о создании уголка чудес и сказок, знаний и спорта — пионерский городок «Мзиури». Здесь он и похоронен. А его книги будут служить делу воспитания новых поколений достойных граждан нашей страны.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

Все еще не могу даже мысленно сказать: он был. Нодар Думбадзе, умудренный, задумавшийся, смотрит из самой глубины души — теперь уже только на фотографии. Жизнь его обрывалась однажды, он это однажды испытал: «...забьется вновь или нет проклятое сердце?! — Сердце нельзя проклинать, батоно! Его нужно лелеять, дуть на него осторожно, как на закипающее молоко...» Он знал: нужно лелеять, но, выжив, написал роман «Закон вечности», ставший знаменитым, сначала выстрадал, потом написал, еще раз заново

все пережив. Таков путь настоящего художника.

Редким жизнелюбием полны его книги. Сколько раз читаешь роман «Я, бабушка, Илико и Илларион», смотришь вновь и вновь на экране, столько раз улыбаешься. Оттого, что смешно? Нет, оттого, что талантливо и чисто-сердечно. Это, конечно, мог написать только грузин и только о любимой им Грузии, потому что так хорошо читается и на русском, и на многих, многих языках, потому что общечеловечно.

А какой он был замечательный устный рассказчик! Сна-

чала блеснет что-то в глазах — жест, который он не сделал рукой, — и вот родилось слово. Как-то вблизи Батуми, слушая многоголосие, растроганный, гордый Нодар сказал: «Три грузина — это уже хор!» Но и он же говорил: «Как гениальны русские народные песни! Это передать нельзя, как гениальны!»

Я любил этого удивительного, мужественного, доброго, чистой души человека, люблю его книги. Так случилось, что познакомились мы не в Москве, не в Тбилиси, а в самолете, который летел в США: делегация советских

писателей отправлялась на встречу с американскими писателями. И потом чуть ли не пол-Америки проехали мы с ним, глядя не вперед на дорогу, а назад: кому-то надо было ехать на неудобных местах, спиной вперед, и Нодар, не чинясь, сразу же вызвался. А он к тому времени уже перенес инфаркт.

На дискуссии и первый, и второй день он сидел, перевернул голову, слушал, молчал; сидевший рядом с ним Джон Апдайк сказал после: «Я думал, рядом со мной сидит немой». Он сказал это, отсмеявшись: впервые в зале заулыбались, засмеялись, и стало отрадно и тепло, когда говорил Нодар Думбадзе. А говорил он на этой международной встрече, как говорил дома: просто и о са-

мом насущном, и речь его искрилась юмором, как освещены юмором все его книги.

Последняя его вещь, которую я прочел на русском языке, — рассказ «Талико». В этом маленьком шедевре столько мудрости и чистоты, это поэма о любви в прозе, написанная зрелым мастером в расцвете своего несравненного таланта. Не могу поверить, что его нет.

Внуки потеряли молодого деда, дети — любящего отца, жена — прекрасного мужа, а Родина — преданного сына, одного из самых ярких, самобытнейших художников.

И все же — не был, а есть! Есть и долго еще пребудет его книги. В них — живая душа Нодара Думбадзе.

Григорий БАКЛАНОВ